

СОЮЗ, КОТОРОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ Почему Россия и Белоруссия не способны объединиться

Важнейшим аргументом сторонников объединения России и Белоруссии является пример успешных интеграционных процессов в других частях мира, прежде всего в Европе.

В самом деле, чем мы хуже, почему не можем создать если не сразу федерацию или конфедерацию, то хотя бы свой вариант ЕС, с реально действующими и постепенно расширяющими свою власть наднациональными органами? В сознании русских и белорусов нет той глубокой памяти о причиненном друг другу зле, которую так долго и мучительно преодолевали, например, немцы и французы. Реальное содержание культур среднего белоруса и среднего русского — практически общее. Степень экономических взаимосвязей — значительно большая, чем та, которую достигли европейские страны в результате своего многолетнего сближения. Конечные экономические выгоды интеграции (как, впрочем, любого снятия институциональных барьеров на путях рынка) — несомненны. Есть очевидное стремление к объединению в обоих народах. И, наконец, есть два президента, которые вроде бы стремятся претворить его в жизнь.

Между тем вместо спокойного и уверенного движения к объединению наших стран мы видим какую-то комедию, в которой объятия, лобзания, разбивание бокалов об пол и благословения патриарха сменяются сценами совсем другого рода — когда один президент не пускает другого на территорию своей страны, когда оба лидера начинают обмениваться хамскими оскорблениями и мелочными подсчетами, кто кого нагрел на только что заключенном таможенном соглашении. Почему? Кто виноват и кто мешает?

Разумеется, у нашего союза есть влиятельные противники и в Белоруссии, и в России. Но объяснять все происками врагов трудно. Власть все-таки не у Позняка и Гайдара, а у Ельцина и Лукашенко. Зарубежные же противники союза (в отличие от зарубежных противников Лукашенко) — в основном, по-моему, миф. Даже если Россия объединится не только с Белоруссией, но и еще с кем-нибудь, это никакой опасности ни для кого не представляет. И кроме того, даже если допустить, что США, например, этого союза не хотят, — ну и что? Создания ОПЕК, они, например, в свое время тоже не хотели, но помешать его появлению не смогли. Дело не в противниках — внутренних или внешних.

Самое главное препятствие на пути объединения России и Белоруссии и одновременно самое главное различие нашего и европейского процессов — в природе наших политических режимов. И белорусский, установившийся в результате переворота 1996 г., и российский, возникший в результате переворота 1993 г., — режимы «личной власти» президентов, хотя и с некоторыми (в основном — «фасадными») элементами демократии (и с очень разными идеологическими оформлениями). Конституции созданы президентами «под себя», оба боролись за максимальную власть, достигли ее и отдавать не намерены. Более того, в отличие от глав западных государств, осознающих, что их власть — не пожизненна, наши знают, что они не только могут не уходить, но и в некотором роде не могут уйти. Поэтому как бы президенты ни стремились к объединению (может быть, даже и искренне), они даже мысли не допускают, что оно может означать для них утрату власти. Но двух правителей в одной стране,

как известно, быть не может. Отсюда — и ритм переходов от поцелуев к оскорблениям. Отсюда же — и почти анекдотическое отношение к документам: президенты за несколько дней до торжественного заключения договора и уже подготовленного банкета могут толком не представлять, что же они намерены подписать, а содержание подписанного через несколько дней забывается.

В Европе объединяются народы, организованные в правовые государства. И именно поэтому процесс труден, каждый шаг просчитывается, но он — идет. У нас же объединяются руководители. Поэтому могут быть самые разные шумовые эффекты, только самого объединения быть не может.

Я думаю, что российско-белорусский союз следует сравнивать не столько с европейской интеграцией, сколько с многочисленными и безуспешными попытками интеграции арабских стран. Спрашивается, чего недостает арабам для интеграции? Язык — общий, информационное пространство — единое, рынок — открыт, вера — одна, враг (еще недавно он воспринимался вполне серьезно) — тоже общий: Израиль. Более того, есть идеология «единой арабской нации». Тут они даже на шаг впереди нас: наша идеология «восточнославянской общности» подразумевает, что нации все-таки — разные. И «интеграторов» в арабском мире хватало. В свое время молодые и энергичные Насер и Каддафи готовы были объединиться с кем угодно, чтобы «реинтегрировать геополитическое пространство арабского халифата» и самим стать чем-то вроде халифов. Создавались всякие Объединенные арабские республики и Объединенные арабские государства. Но кончалось все пшиком и даже войнами. И понятно почему — народ может ужиться с народом, но диктатор с диктатором — никогда.

Допустим, однако, что лет этак через двадцать сегодняшнее препятствие будет устранено, политические системы России и Белоруссии уподобятся западным. Значит ли это, что путь к интеграции будет открыт? Думаю, что нет, ибо останется еще одно, на мой взгляд, непреодолимое препятствие, не осознанное еще нашим массовым (и тем более — «элитарным») сознанием.

Объединение ЕС — это объединение стран относительно равновеликих, в пространстве между которыми находят себе место и страны маленькие. Кроме того, в процессе европейской интеграции постепенный переход власти к надгосударственным органам сопровождается (собственно, это — другая сторона того же процесса) усилением самостоятельности входящих в эти государства регионов. В Испании усиливаются каталонская и баскская автономии, в Британии появились шотландская и уэльская, растет самостоятельность германских земель. В этой ситуации даже Люксембург может не бояться поглощения — если он и «поглощается», то не какой-то другой страной, а действительно единой Европой. А теперь представим себе интеграцию только Люксембурга и Германии. Логически есть две возможности — или это будет действительно равноправное объединение (что будет означать, что Люксембург, внося в «общий котел», дай бог, одну десятую, мог бы распоряжаться половиной — ситуация просто немыслимая), или же это будет просто поглощение Люксембурга Германией. Как бы наши народы ни приветствовали интеграцию, белорусы, при всей слабости их национального самосознания, отнюдь не захотят ликвидации Белоруссии, а русские не захотят такого равноправия, которое реально означало бы, что соседи живут за счет их сырьевых ресурсов.

Надо ли жалеть о невозможном? Не думаю. Наше стремление к объединению в громадной мере связано с архаическим представлением, что большое государство — всегда лучше и сильнее малого и что естественная цель государства —

расширяться (а цель других — не давать ему этого делать и расширяться за их счет). Но это не так, тем более в наше время. Не только размеры, но даже военная сила мало что решают — уж на что был велик СССР, а где он?

Объединение — не самоцель. Все конкретные вопросы двусторонних отношений при доброй воле спокойно можно обсуждать и без объединения (похоже, что интеграционные шоу даже мешают их решать).

Разумеется, объединяться в XXI веке мы все равно будем, но не Россия с Белоруссией против кого-то (против НАТО?), а весь мир — для борьбы против общих и все усиливающихся опасностей, порождаемых самим прогрессом человечества.